

ГЛАВА 1

Все началось с агентурного сообщения. Его получил майор полиции Борис Мешалкин. Он служил в одном из районных подразделений московской полиции, где возглавлял отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Ближе к вечеру, когда Мешалкин намеревался было идти домой, ему позвонил его агент, псевдоним которого был Вокалист.

— Надо бы встретиться, — сказал он. — Есть интересный разговор...

— А что, до завтра твой разговор не потерпит? — вздохнул Мешалкин. За день он устал, и ему не слишком хотелось тащиться на другой конец района, где располагалась конспиративная квартира, на которой обычно происходили встречи Мешалкина и Вокалиста.

— Можно, конечно, и до завтра, — сказал Вокалист. — А только, я мыслю, этот разговор должен был бы состояться еще вчера. Или даже неделю назад. А то, может, и месяц назад.

— И почему же ты молчал весь этот месяц? — буркнул Мешалкин.

КАМЕННАЯ БОЙНЯ

— А потому, что месяц назад я ничего еще не знал, — ответил Вокалист. — А сейчас — знаю. Я так мыслю, интересный будет разговор. С дальним прицелом и головокружительными перспективами. Медаль получишь за усердие, — агент хихикнул. — Или, может, повышение по службе. В подполковники выбьешься.

— Остроумничаешь? — поморщился Мешалкин. — Ладно... Жди меня через час, сам знаешь где.

По всему выходило, что, несмотря на усталость и конец рабочего дня, нужно было ехать на конспиративную квартиру. Мешалкин хорошо знал своего агента. Если Вокалист начинал фамильярничать и с ехидством остроумничать, то это означало, что он и впрямь раздобыл ценные сведения. Может быть, даже какие-то срочные. А из этого следовало, что откладывать встречу никак нельзя. Любая информация — она как пирожок: бывает горячей, а бывает и несвежей, утратившей свою актуальность.

Мешалкин сел в машину и поехал. Конспиративная квартира, собственно говоря, не была никакой квартирой. Это было подсобное помещение в одной из забегаловок почти на самой окраине города. Забегаловка носила название «Армянские деликатесы», и владел ею веселый армянин по имени Вазген. Этот самый Вазген по гроб жизни был обязан майору. Когда-то Мешалкин отвадил от Вазгена и его заведения назойливых рэкет-

ров, и Вазген просто-таки вспылал благодарностью к Мешалкину.

— Заходи ко мне в любое время! — радостно восклицал Вазген. — Вижу — хороший ты человек! А если ты хороший человек, то приходи ко мне хоть днем, хоть ночью! Всегда будешь моим гостем! Приходи один, приходи с друзьями, приходи с женщиной — с кем хочешь! Накормлю, напою, спать уложу — все для тебя сделаю! Для хорошего человека — я тоже хороший человек! Приходи, иначе я на тебя обижусь! По-настоящему обижусь, по-кавказски!

В ответ Мешалкин рассмеялся и лишь махнул рукой, но тут же и задумался. Конечно, он ничуть не позарился на показное гостеприимство Вазгена и его сомнительные деликатесы. Но в помещении, которым владел Вазген, была одна потаенная комнатка с отдельным входом, так что мало кто обращал внимание и на саму комнатку, и на вход в нее. Очень удобное место для обустройства конспиративной квартиры, в которой Мешалкин мог бы тайно встречаться со своими осведомителями-агентами!

— Обидишься, говоришь? — усмехнулся Мешалкин.

— Обижусь! — горячо подтвердил Вазген.

— Тогда вот что... — сказал Мешалкин.

И он рассказал Вазгену о своей идее относительно конспиративной квартиры. При этом Мешалкин видел, что идея Вазгену не слишком

КАМЕННАЯ БОЙНЯ

понравилась, но и отказать Мешалкину он не мог.

— А это для меня не опасно? — кислым тоном спросил Вазген.

— Наоборот, — бодро ответил Мешалкин. — Будешь под моей постоянной защитой. Более того — под защитой всей московской полиции. Сплошная для тебя выгода. Никаких рэкетиров, никаких воров!

— А если кто-нибудь узнает? — опасливо спросил Вазген.

— А ты никому не говори, вот никто и не узнает, — сказал Мешалкин. — Понятно, что и я никому ничего говорить не буду. Мне-то — какая выгода болтать?

Вот так Мешалкин и обзавелся конспиративной квартирой. А Вазген, соответственно, стал ее содержателем. И даже получил псевдоним Арцив, что в переводе с армянского на русский означало «Орел». И, надо сказать, Мешалкин ни разу не пожалел, что обустроил в апартаментах у Вазгена конспиративную квартиру. Место было удобное, потайное, к тому же Вазген насчет нее помалкивал, так что никому и в голову не могло прийти, что здесь конспиративная квартира, в которой Мешалкин встречается со своими засекреченными помощниками — агентами и доверенными лицами. А кроме того, Вазген соблюдал традиционное кавказское гостеприимство, и на столе в потайном помещении всегда стояло вино,

фрукты, закуски, и все это — за счет заведения, то есть за счет Вазгена, что являлось плюсом. Дело, конечно, было не в вине и не в закусках, однако же в такое конспиративное место осведомители приходили с гораздо большей охотой, чем в какие бы то ни было другие места. Само же место называлось «Пещера», ибо конспиративные квартиры также обязаны были иметь свои имена.

Вот в этой-то «Пещере» Мешалкин и встретился со своим агентом Вокалистом. Раньше Вокалист был ресторанным певцом, оттого, собственно, и получил свой псевдоним. В процессе своей ресторанной певческой карьеры он обзавелся всяческими связями, порой довольно-таки предосудительными, и вольно или невольно стал носителем полезной для уголовного розыска, и для Мешалкина в частности, информации. Мешалкин завербовал его еще в то время, когда он выступал на ресторанных подмостках.

Конечно, не по доброй воле будущий Вокалист согласился на тайное сотрудничество с Мешалкиным — добровольных, движимых чистым энтузиазмом помощников у сыщиков почти не бывает. А просто в один прекрасный момент Мешалкин подловил своего будущего агента на одном сомнительном дельце, которое было, что называется, «в обе стороны», то есть за него можно было на пару годков угодить в тюрьму, а можно было отделаться испугом средней степени тяжести. Но Мешалкин, как опытный оперативник,

КАМЕННАЯ БОЙНЯ

поставил вопрос таким образом, что перед будущим агентом Вокалистом встал выбор: садиться ему в тюрьму или оставаться на свободе, но не просто за спасибо, а в качестве агента. Само собой разумеется, что ресторанный певец выбрал второй вариант. Вот так он и стал Вокалистом.

И в общем и целом Мешалкин не пожалел, что завербовал певца. Случалось, что агент снабжал его весьма ценными сведениями. Бывало, конечно, и другое — агент всякими способами пытался, что называется, «соскочить с крючка», и тогда Мешалкину приходилось применять целый комплекс воспитательных мер, дабы не лишиться ценных глаз и ушей в лице своего агента. В данный момент Вокалист сидел на крючке надежно, и потому Мешалкин мог рассчитывать на то, что он получит и впрямь ценные сведения.

— Привет! — сказал Вокалист, с ехидным прищуром глядя на Мешалкина. — Поздравляю тебя, а заодно и себя с долгожданной встречей. Вот так и тянет обнять тебя и расцеловать, как отца родного. Как ты думаешь, с чего бы это?

— Должно быть, со вчерашнего перебору, — ухмыльнулся Мешалкин.

— А что, заметно? — хмыкнул Вокалист.

— Просто-таки на лбу написано! — сказал Мешалкин. — Аршинными буквами!

— В принципе, ты прав, — кротко согласился Вокалист. — Признаться, вчера я себе позволил... Да и как не позволить, на этот поганый

мир глядя. Тут, понимаешь ли, даже рыба карась себе позволила, если бы что-нибудь соображала. А я все-таки не карась. А потому хлебну-ка я вот этого винца для равновесия моих душевных чувств. А потом и побеседуем...

Вокалист налил в бокал вина, сделал несколько глотков и поморщился.

— Дрянь винцо! — категорично заявил он. — Ширпотреб во всем своем сомнительном величии. Нехороший человек этот твой армянин, так можешь ему и передать. Мог бы налить в этот кувшин что-нибудь и попримичней. Ну да каков этот мир, таково в нем и вино. А потому осушу я этот бокал до самого дна. А куда деваться из подводной лодки?

Мешалкин терпеливо ждал, когда его агент выговорится и утолит жажду. Тогда-то можно будет и поговорить. И вот этот момент наступил. Говорил Вокалист всегда подробно, многословно, с разнообразными лирическими и философскими отступлениями, сопоставлениями и прочими нюансами. Мешалкин давно уже притерпелся к такой манере разговора своего агента и потому почти никогда его не перебивал, а просто молча слушал, отделял зерна от плевел и мотал на ус. А если и перебивал, то лишь короткими уточняющими вопросами.

— Дело было двумя днями ранее, — начал рассказывать Вокалист. — Зарулил я, значит, вечером в одно заведение. Ну, ты должен его

КАМЕННАЯ БОЙНЯ

знать. Ночной клуб, который именуется «Башня». Собирается там всякого рода публика... Ну да для чего я тебе буду говорить такие банальности? Ты и без меня знаешь, кто там собирается. Я-то туда вхож просто-таки в беспрепятственном порядке, даже к моему фейсу никто не приглядывается. А для чего к нему приглядываться, коли меня в той «Башне» знают, как отца родного? Помнится, радовал я в былые времена тамошнюю публику своими вокальными способностями. Да... Так вот — заруливаю. Одни дарят мне улыбки, другие — жмут руку, третьи — приглашают за стол. Хорошо, присаживаюсь. «А не желаете ли, — вежливо спрашивают у меня, — приобщиться к неземному удовольствию?»

— Кто именно спрашивает? — уточнил Мешалкин.

— Одна веселая компания в количестве четырех человек, — ответил Вокалист. — Две особи мужского пола и две — женского. Обе особи женского пола выглядели очень вульгарно. Просто-таки не поймешь, где у них тыл, а где, обратно говоря, фасад. И ноги-то у них — да у меня руки толще, чем у них ноги! И при этом, прошу заметить, ни ту, ни другую особь я не знаю. Вот просто-таки в первый раз вижу.

— А особой мужского пола знаешь? — спросил Мешалкин.

— Их-то знаю, — сказал Вокалист. — Имена их мне неведомы, а вот физиономии и прозвища — из-

вестны. Одного, значит, кличут Ливерпуль, а другого неприятзательно — Мопсиком. А все потому, что уж очень он похож на собачонку этой породы. Значит, один — Ливерпуль, а второй — Мопсик.

— Угу... — кивнул Мешалкин.

Он знал и Ливерпуля, и Мопсика. Оба они были сынками богатеньких родителей, оба — праздными бездельниками да к тому же еще и личностями, изрядно подсевшими на всякого рода наркотические вещества. У Мешалкина имелось подозрение, что и Мопсик, и Ливерпуль активно распространяют наркотики по ночным клубам. Подозрение имелось, а вот прямых доказательств не было.

— Говори дальше, — сказал Мешалкин.

— Говорю, — кивнул Вокалист. — Стало быть, они у меня спрашивают, не желаю ли я приобщиться к неземному удовольствию. «И что же это за удовольствие?» — спрашиваю. «А ты разок затянись, и пропадет у тебя охота задавать всякие вопросы!» — отвечает мне не то Мопсик, не то Ливерпуль. — В точности тебе говорю — хватит одной затяжки! Убойная штучка!» И протягивает мне сигаретку. Ну, ты же знаешь, что я никакой не наркоман. А если я и позволяю себе иногда продегустировать ту или иную заразу — так это исключительно ради нашего с тобой общего дела. Знаешь ты об этом или не знаешь?

— Знаю, — кивнул Мешалкин. — Ты давай говори дальше, и желательно без отклонений.

КАМЕННАЯ БОЙНЯ

— Так ведь как же — без отклонений? — не согласился Вокалист. — Без них никак невозможно. В отклонениях, можно сказать, как раз и заключается вся суть. Я же у тебя не на допросе — чтобы без отклонений рассказывать!

— Ладно, ладно! — махнул рукой Мешалкин. — Говори, как хочешь, хоть в рифму.

— Так вот, протягивает мне сигаретку... — продолжил агент. — Ну, ты ведь и без меня знаешь, что в таких заведениях, как «Башня», от подобных предложений отказываться не принято. Попробуй откажись. Мигом станут смотреть на тебя подозрительно. И тогда — конец всему. Что ты! Могут и придушить где-нибудь в нужнике... Так что волей-неволей пришлось соответствовать правилам. Ну, я и затянулся... По оплошности — два раза вместо одного, о чем потом горько пожалел. Потому что такой заразы я не пробовал отроду! Ты не поверишь — это что-то невероятное! Если желаешь, могу рассказать тебе обо всех ощущениях и во всех подробностях.

— Не желаю! — махнул рукой Мешалкин. — Лучше расскажи о самой отраве. Насколько я понял, это какая-то новая штучка?

— Так о том я и говорю! — воскликнул Вокалист. — Именно так — новая штучка! До сих пор невиданная и неслыханная!

— Вот как, — насторожился Мешалкин. — Тогда с этого момента подробнее.

— Так ведь я и так — подробно! — оскорбился Вокалист. — Ты, главное, слушай, запоминай и делай выводы. Тут, понимаешь, есть над чем поразмыслить. И скажи мне, что я не прав...

— Прав, прав, — Мешалкин невольно улыбнулся. — Я весь внимание. Говори.

— Ну, так вот, — продолжил агент. — Курнул я, значит, два раза. «Ну, и как — торкнуло тебя?» — спрашивает меня то ли Ливерпуль, то ли Мопсик, а может, и какая-нибудь из страхолюдных девах. Не помню, кто именно, потому что, поверишь, я просто-таки потерял ощущение и времени, и пространства, позабыл и о самом себе — вот ведь как зацепила меня эта холера! «Еще как!» — отвечаю, а сам, поверишь, не слышу собственного голоса. Тот голос, который у меня спрашивает, его я слышу, а свой не слышу! «И что это, — спрашиваю, — за такая расчудесная субстанция? Ведь не гашиш и не марихуана!» — «Это, — отвечают мне мои собеседники, — новая штучка. Называется “тоннель”».

— Как-как? — переспросил Мешалкин.

— Вот и я задал им точно такой же вопрос, — ответил Вокалист.— «Тоннель» — так эта дрянь и называется.

— И почему же такое название? — спросил Мешалкин.

— Ну, ты же знаешь, что у каждого наркотика — свое собственное имя, — ухмыльнулся агент. — Поэтическая, так сказать, вольность.